

УДК 1.16. 16.43

DOI: 10.17223/1998863X/32/36

Г.С. Рогонян

ДЭВИДСОН И ПРИНЦИП НЕДОВЕРИЯ

Рассматривается сентенциальный подход к анализу пропозициональных установок. Как правило, главный инструмент интерпретации чужой речи и поведения – установка на истинность предложений – ускользает от нашего внимания. Во многом это обусловлено тем, что требование холистического подхода к нашим убеждениям продиктовано семантической неопределенностью перевода. Выдвигается предположение, что именно расширенное понимание семантических аномалий позволяет установить причины неочевидности сентенциальной природы пропозициональных установок.

Ключевые слова: пропозициональные установки, радикальная интерпретация, холизм, семантическая неопределенность.

I

Только допуская, что другой человек может ошибаться и что сам он об этом знает, у нас есть шанс понять его – его речь, поступки, поведение в целом. Дональд Дэвидсон считал, что знание о возможной ошибке (т.е. понятие о ней) является необходимым условием наличия у человека не просто отдельных убеждений, но и мышления как такового [1]. Знание о возможной ошибке, если угодно, является оборотной стороной убеждения в том смысле, что человек знает, что то, что он считает истинным, может отличаться от того, что действительно является истинным, – он знает, что его убеждение может оказаться ложным. И чтобы знать это, у него уже должны быть понятия объективной истины и ошибки. Одновременно это означает, что стороннему наблюдателю есть что понимать относительно этого человека. Более того, как и первый, он может ошибаться в этом, и они оба об этом знают. Понятия истины и ошибки являются общими для них обоих, будучи тем необходимым минимумом, благодаря которому они могут начать понимать друг друга, даже если говорят на совершенно незнакомых друг другу языках.

Но какова природа того, что может оказаться ложным и относительно чего сторонний наблюдатель может ошибаться?

Традиционно убеждение рассматривают как пропозициональную установку, понимая ее реляционно, т.е. как психологически внутреннее отношение личности к содержаниям своего сознания, в частности к мысли, или пропозиции. Убеждение здесь тесно связано с понятием ментального содержания, как бы стоящего за нашими высказываниями и поведением в целом. Такое содержание иногда называют интенциональным объектом сознания, ментальной репрезентацией или пропозицией, которая может быть выражена с помощью различных синонимичных предложений. А разные способы отношения к пропозиции характеризуют различные пропозициональные установки (верить, надеяться, сомневаться и т.д.). Более того, прак-

тически все ментальные состояния, как правило, либо непосредственно приравниваются к пропозициональным установкам, либо считаются основанными на них. Говорить о пропозициях, или значениях предложений, как о неких сущностях или объектах вполне привычно и естественно, поскольку мы именно таким образом и говорим в повседневной жизни о наших мыслях и идеях.

У пропозиционального подхода есть свои преимущества и недостатки, и он по-прежнему не сходит со сцены, принимая ту или иную форму в различных теориях. В связи с этим интересно было бы рассмотреть его наиболее известную альтернативу – сентенциальный подход, рассматривающий убеждение как установку на предложения, а не на ментальные сущности – и понять, почему она, при всей весомости ее аргументов, до сих пор не вытеснила его. В чем причина того, что ей не хватает той же интуитивной убедительности, что и у пропозиционального подхода?

Возможно, одной из причин такого положения дел является то, что сентенциальный подход тесно связан с непрозрачностью референции и семантической неопределенностью. В таком случае многое из того, что У. Куайн писал о причинах невосприимчивости семантической неопределенности, должно иметь какое-то отношение и к сентенциальному подходу, поскольку, как указал сам Куайн, одной из причин такой невосприимчивости является приверженность менталистским теориям языка, т.е., по сути, невосприимчивость сентенциальной структуры убеждения [2. Р. 73–79]. Но что является причиной неочевидности последней? Действительно, неочевидность, о которой пишет Куайн, является скорее теоретической, тогда как неочевидность сентенциальной природы убеждения, по всей видимости, скорее интуитивная. Тогда что связывает эти два вида неочевидности?

Чтобы ответить на эти вопросы, можно обратиться к тому, как Дэвидсон применил семантическую концепцию истины к анализу естественных языков, и попытаться понять причины того, почему сентенциальное устройство убеждений и ментальных состояний в целом обычно ускользает от нашего внимания.

II

Не будучи редукционистом по отношению к ментальным состояниям, Дэвидсон тем не менее был довольно скептичен по отношению к пропозициям и интенциональным объектам мысли (если, конечно, не рассматривать их в качестве теоретических или абстрактных). Если ментальное состояние с характерной для него интенциональностью – это, прежде всего, то, что мы приписываем себе и другим на основе наблюдения за вербальным и невербальным поведением, то необходимо признать, что изначально мы приписываем другим не просто наличие какого-то ментального содержания, а неявную установку на истинность некоего предложения. Установка на истинность предложения здесь – нечто принципиально иное, чем то, что считают субъективным отношением к ментальному содержанию, пропозиции и т.д. Причем речь в данном случае идет не об установке на *содержание* этого предложения, а на условия его истинности, исходя из которых, по замыслу Дэвидсона, мы только и определяем это содержание. В частности, он

пишет: «Поскольку установка считать истинным остается той же вне зависимости от того, является ли предложение истинным или нет, она непосредственно соответствует мнению. Понятие мнения, таким образом, пригодно для того, чтобы заполнить брешь между объективной истиной и тем, что считают истинным» [3. С. 242].

Иными словами, понятие мнения заполняет брешь между предложением и реальностью, однако «брешь» в данном случае надо понимать не онтологически или эпистемологически, а чисто теоретически, т.е. в смысле удобства для объяснения. Убеждение – это, если угодно, теоретический термин, обозначающий чью-то установку на истинность некоторого предложения, а точнее, диспозицию считать и высказывать это предложение в качестве истинного при определенных обстоятельствах. Тот акцент и приоритет, который Дэвидсон отдает установке на истинность предложения, позволяют сделать вывод относительно теоретического статуса ментальных предикатов: «Часто неправильно считается, что семантическое понятие истины избыточно, что нет никакого различия между утверждением, что предложение *s* является истинным, и использованием *s* для вынесения суждения. Правильной здесь может быть скорее теория избыточности мнения: быть убежденным, что *p* не должно отличаться от мнения, что *p* истинно» [3. С. 242].

Тем не менее избыточность убеждения еще не означает избыточность интенциональности, которую мы приписываем ментальным состояниям и пропозициональным установкам. Просто интенциональностью теперь наделяются сами предложения. Что это означает?

Предложенный Дэвидсоном анализ ментальных состояний предполагает, что любое высказывание, выражающее пропозициональную установку и использующее местоимение «что», на самом деле является двумя паратаксически объединенными высказываниями, которые с семантической точки зрения относительно независимы друг от друга и обладают собственными условиями истинности¹. Например, высказывание «Я считаю, что Луна меньше Солнца» паратаксически объединяет «Луна меньше Солнца» и «Я так считаю» (или «Я считаю истинным это»). Паратаксический подход заключается в том, что реляционный эффект (т.е. эффект интенциональности) в пропозициональных установках, на самом деле, возможен благодаря тому, что одно высказывание указывает на другое, т.е. указывает за пределы себя так, как если бы оно было на что-то направлено или служило указателем. Если одно предложение в этом случае описывает содержание пропозициональной установки («Луна меньше Солнца»), то другое описывает саму установку (или модальность) по отношению к этому содержанию, т.е., если угодно, *характер* установки на истинность первого предложения («Я так считаю» или «Я считаю истинным это»). В таком случае эффект интенциональности здесь обеспечивают такие части предложения, как демонстративы и индексикалы.

Однако сразу напрашивается следующий вопрос: разве функционирование индексикалов не объясняется, наоборот, интенциональностью наших состояний? Судя по всему, у Дэвидсона не было развернутого ответа на этот

¹ Подробнее об этом см. [4] и [5].

вопрос. Впрочем, он замечает в связи с этим, что проблему демонстративных и индексикальных выражений не решить, если не оставить стоящую за понятием интенциональности идею мистического знакомства с ментальными объектами нашего сознания [6. Р. 63–64].

Тем не менее остается еще один вопрос: как и почему возникло именно реляционное понимание ментальных состояний? Только ли в грамматике все дело, которая и подталкивает к субстантивации придаточных предложений, описывающих содержание пропозициональных установок? Иными словами, если представление об интенциональном объекте формируется из того предложения, которое выражает содержание установки, то почему это предложение перестает восприниматься нами в качестве такового?

III

Начать можно с того, что в том, как Дэвидсон понимал семантическую концепцию истины А. Тарского, процесс определения условий истинности какого-либо предложения никогда окончательно не завершён. Этот процесс находится в постоянной зависимости от меняющегося контекста перевода и интерпретации. Поэтому в Т-схеме «'s' истинно, если и только если *p*» для перевода предложения объектного языка (*s*) на месте предложения метаязыка (*p*) могут фигурировать совершенно разные предложения, с помощью которых интерпретатор пытается перевести чужую речь. Но если в окружающем нас мире обстоятельства постоянно меняются, то семантическая теория призвана исследовать те ограничения, которые мы неосознанно налагаем на все это многообразие вариантов перевода в таких Т-предложениях. Более того, условия истинности интерпретируемых предложений необходимо каким-то образом «удерживать», чтобы гарантировать относительное тождество их содержания.

Действительно, пропозициональная установка – это не просто установка на истинность предложения, но одновременно и установка на его отношения с другими предложениями, а также на его отношения с миром¹. Это как бы два типа условий истинности, на каждом из которых корреспондентная и когерентная теории истины, успешно объединённые Дэвидсоном в его подходе, ставят свой акцент. Иными словами, речь здесь идет об установке на весь холистический багаж предложения, т.е. на всю совокупность связей этого предложения с другими предложениями. Если сеть убеждений является сетью логически связанных друг с другом установок на истинность предложений, то убеждение – это еще и установка на некий шаблон умозаключений, т.е. набор выводов, которые я могу сделать на основании того, что считаю некоторое предложение истинным. Или, иначе, это набор инференциальных связей, которые я могу проследить или хотя бы только предположить.

¹ Именно поэтому, кстати, Т-предложение можно считать парафразом интенциональных идиом. Если пропозициональная установка «*x* верит, что *p*», где *p* – это предложение «Луна меньше Солнца», означает готовность *x* утверждать в качестве истинного предложение *p*, то Т-предложение как раз и описывает эту готовность: «Луна меньше Солнца» истинно, если и только если Луна меньше Солнца. В этом смысле Т-предложение – это способ переформулировать интенциональный контекст выражения в экстенциональный.

Следует отметить также, что Т-предложение задает некий устойчивый *тип* предложения как инструмент для повторяющихся приписываний убеждений – себе и другим¹. Необходимость сформировать многократно воспроизводимый с помощью Т-предложения тип обусловлена тем, что изменились или продолжают изменяться обстоятельства, при которых некое убеждение может быть высказано. Иными словами, постоянно могут уточняться, или неожиданно измениться, условия истинности в правой части Т-предложения, в соответствии с которыми мы считаем истинным предложение в левой части. В результате может измениться содержание приписываемого убеждения. Эта зависимость языкового значения и убеждения от меняющихся параметров отдельной ситуации, собственно, и отражена в куайновском понятии неопределенности перевода, а у Дэвидсона, соответственно, в неопределенности интерпретации.

Действительно, если в Т-предложении его правая часть, указывающая на условия истинности, задает не только перевод, но и, шире, интерпретацию некоторого предложения из левой части, то, как было сказано, в этой части в качестве таковых условий могут фигурировать самые разные факторы. Нечто можно считать истинным, если и только если что? Поскольку условия истинности предложения (или убеждения) устанавливаются эмпирически, то их всегда можно пересмотреть, что и задает неопределенность значения сказанного, на время подвешивая семантический статус предложения в левой части. По сути, Т-предложение выступает здесь лишь неким рецептом или регулятивом для интерпретации предложения, содержащегося в его левой части. Иначе говоря, мы не можем быть до конца уверены в том, что поняли его или что знаем те условия, при которых оно истинно.

Здесь необходимо отметить, что в том случае, когда Т-предложение в результате процедуры раскавычивания представляют как «‘s’ истинно, если и только если s», мы, на самом деле, имеем дело с *идеальным* положением дел, т.е. когда все возможные флуктуации в формулировке условий истинности удается избежать. Обычно же достичь этого сложно, если вообще возможно. Поэтому *в каком-то* смысле верно, что предложение «снег бел» является истинным, если и только если трава зеленая [7. С. 56–57]. Дэвидсон, пусть и в качестве крайности, признает это – по крайней мере, это не абсурдно. Хотя, разумеется, это мало чем поможет интерпретатору – ему здесь необходимы определенные ограничения, как формальные, так и эмпирические, налагаемые на его теорию истины [8. С. 198–200]. Тем не менее можно сказать, что тот факт, что трава зеленая, может быть *частью* условий истинности предложения «снег бел», пусть при этом и не ближайшим соседом в общей сети убеждений (т.е. предложений, которые мы считаем истинными). Формулируя Т-предложение для одного убеждения, мы *косвенным* образом формулируем их для всей сети убеждений, поскольку «снег бел» будет истинно не только потому, что «трава зеленая» истинно, но и потому, что многое другое, с чем данное утверждение может быть косвенно связано, должно быть «на своем месте» [3. С. 237]. На самом деле, мы каждый раз переводим не одно предложение за другим, а холистическим образом всю совокупность

¹ Хотя логика таких приписываний в обоих случаях будет существенно различаться. Подробнее см. [9].

предложений одного языка на предложения другого языка. Именно в силу холистического характера как значения предложений, так и наших убеждений s будет истинным, если и только если истинно, что p , а также q , а также r и т.д.

Более того, в такой последовательности взаимосвязанных условий истинности проявляется каузальная история индивида, причем в самом широком смысле этого слова – от инференциальных шаблонов до диспозиций, привычек и склонностей. Та или иная часть этой истории выступает рамкой, или фоном, для внимания к условиям истинности высказывания предложения в определенный момент, помогая тем самым согласовать и вписать интерпретацию этого высказывания в общую историю индивида.

Косвенным образом в пользу такого понимания роли каузальной истории говорит и то, что Дэвидсон, на самом деле, не считал, что Т-предложение *задает* значение того предложения, к которому оно относится. Самое большее, на что в этом случае можно рассчитывать, это только приближение к его пониманию, поскольку полностью установить все условия истинности какого-либо предложения невозможно. Однако, замечает Дэвидсон, мы при этом знаем Т-предложения множества других предложений объектного языка. Вся в целом эта холистическая картина того, как предложения связаны друг с другом посредством соотношения друг с другом их Т-предложений, показывает, что, только поместив предложение в контекст этих связей, мы можем его понять. Весь этот контекст связей между предложениями, собственно, и есть воплощение каузальной истории отдельного индивида [8. С. 198–199; 10. С. 218–219].

IV

Тем не менее показать, почему сентенциальный анализ пропозициональных установок делает избыточным само понятие убеждения – это одно, и совсем другое дело – показать, почему нам кажется, что мы вместо предложения имеем дело с неким состоянием, интенциональным объектом, ментальной сущностью или чем-то подобным. Разумеется, демонстрация сентенциальной структуры убеждения является первым шагом к ответу на этот вопрос. Но тогда остается понять, каким образом семантический холизм и связанная с ним неопределенность значения вносят свой вклад в формирование такого представления об убеждении.

Как мы видели, Дэвидсон релятивизирует Т-предложения к конкретному носителю языка или группе, поскольку первым (и главным) эмпирическим свидетельством в пользу истинности предложения является то, что сами носители языка считают его таковым. В этом случае мы переходим от обобщения «Говорящие по-немецки считают ‘Es schneit’ истинным тогда и только тогда, когда идет снег» к Т-предложению «‘Es schneit’ истинно (по-немецки) для субъекта x во время t , если и только если идет снег во время t (и около x)» [10. С. 217]. Такая релятивизация необходима, поскольку в каждой интерпретации мы хотим понять конкретного носителя языка в конкретных обстоятельствах. А это, в свою очередь, неизбежно ведет к признанию того, что все носители языка в той или иной мере отличаются друг от друга в том, что касается признания условий истинности для отдельных предложений.

Причем параметров и обстоятельств, обуславливающих такие различия, бесконечное множество: «Можно допустить, что субъекты различаются более часто и более радикально относительно одних предложений, чем относительно других, и нет никаких причин не принимать во внимание наблюдаемые или выводимые индивидуальные различия, которые могут быть помыслены как вызывающие аномалии (с точки зрения теории)» [10. С. 217–218]. Общая политика интерпретации в такой ситуации, считает Дэвидсон, заключается в том, чтобы ориентироваться, прежде всего, на те условия истинности, которые наилучшим образом способствуют установлению истинности предложений. И таковыми условиями, т.е. наилучшими эмпирическими свидетельствами в пользу истинности предложений, являются те, которые максимизируют общее согласие.

Действительно, только на фоне общего согласия относительно большей части предложений имеет смысл говорить не только об ошибках или несогласии, но и вообще о каких-либо различиях во мнениях. Теория истины как теория интерпретации, в таком случае, спокойно признает и допускает любые возможные аномалии, поскольку такая «теория не делает носителей языка универсальными хранителями истины ... ее цель – не абсурдная цель уничтожения разногласий и ошибок» [10. С. 218]. Вместо того, чтобы каждый раз предоставлять предложению объектного языка соответствующее ему T-предложение, она предлагает некоторый образец, «который сохраняет формальные ограничения ... и удовлетворяет требованиям эмпирических свидетельств, насколько это возможно» [10. С. 218]. Слова «насколько это возможно» подразумевают здесь именно максимизацию общего согласия.

Однако из такого допущения можно сделать и более радикальный вывод: не только такие локальные аномалии, как спор или ошибки, предполагают общий фон согласия относительно истинности большей части предложений, но и само допущение общего согласия, или принцип доверия (*principle of charity*), как его называет Дэвидсон, предполагает, в свою очередь, некий общий фон возможных семантических аномалий. В противном случае не было бы смысла и необходимости в принципе максимизации согласия и в принципе доверия как «конститутивного идеала рациональности» [11. Р. 222–223]. Действительно, получается, что принцип доверия предполагает не только исходную установку на совпадение и взаимосогласованность убеждений говорящего и его интерпретатора. Предположение о возможных аномалиях является, в каком-то смысле, оборотной стороной этого принципа. Можно даже сказать, что такое допущение предваряет и мотивирует принцип доверия: поскольку я не могу знать все причины и следствия чьих-либо высказываний, то мне остается только довериться говорящему, допуская общие для нас стандарты рациональности.

Более того, Дэвидсон говорит, что «теория, предназначенная интерпретировать высказывания одного субъекта и основанная только на его установках по отношению к предложениям, имела бы множество похожих конкурентов, поскольку различия в интерпретации могли быть компенсированы соответствующими различиями в приписанных мнениях» [10. С. 218]. Далее он добавляет: «Вытекающая отсюда неопределенность интерпретации является дубликатом неопределенности перевода Куайна». И такую семантиче-

скую неопределенность вполне можно считать источником потенциальных аномалий в том, что касается понимания другого.

Тем не менее, считает Дэвидсон, такая «[н]еопределенность значения или перевода не представляет неспособность схватывания существенных различий; она отмечает тот факт, что некоторые очевидные различия не являются существенными. Если присутствует неопределенность, то потому, что даже когда в наличии все свидетельства, тем не менее все еще остаются открытыми альтернативные пути установления фактов» [10. С. 219]. Иными словами, неопределенность значения не стоит понимать в смысле концептуального релятивизма, поскольку это в каком-то смысле всего лишь индифферентность в выборе способа интерпретации – подобно тому, как мы можем выбирать способ измерения веса или температуры. В любом случае, при всех возможных различиях, которые, как говорит Дэвидсон, несущественны, сохраняется некий инвариант информации, а именно: функциональная роль отдельного предложения или числовой величины сохраняется при трансформации одного способа интерпретации или измерения в другой. Нас в этом случае интересует не само предложение, а та функция, которую оно выполняет в контексте своих связей с другими предложениями определенного языка. В любом случае, такая (индифферентная) неопределенность в способе интерпретации не является источником *глобальных* аномалий, т.е. не ведет к концептуальному или онтологическому релятивизму. Самое большее, что нам грозит, это вполне обычные и ожидаемые с обеих сторон коммуникации локальные несовпадения в том, как мы понимаем друг друга.

Однако не стоит забывать, что, во-первых, интерпретатор не может знать обо всех несущественных различиях в способах интерпретации, а во-вторых, он в таком случае не может всегда знать, где проходит та грань, которая отделяет несущественные отличия от существенных. В качестве еще одного дестабилизирующего фактора сюда можно добавить и неустранимую избыточность языковых ресурсов, предоставляющих различные варианты перевода и интерпретации чужой речи. В конечном счете, есть еще и возможность того, что, как признавал сам Дэвидсон, пусть и в виде исключения, говорящий также может ошибаться относительно значения своих слов, поскольку это значение всегда, так или иначе, частично детерминировано событиями, о которых он может не знать¹.

Всего этого уже достаточно, чтобы допустить, что в интерпретации чужих слов мы опираемся не на одно, а на два фундаментальных допущения одновременно – на допущение общего согласия относительно большинства истин (без которого было бы невозможно рациональное мышление) и на допущение принципиальной семантической неопределенности (без предположения которой рациональное мышление, получается, также не было бы возможно). Действительно, Т-предложения в силу вариации эмпирических свидетельств в правой части в пользу ретроспективно изменяющегося значения их левой части не задают окончательным образом значение предложения, а делают это лишь приблизительно. Тем не менее мы, как правило, мо-

¹ Однако такой семантический экстернализм, считает Дэвидсон, никоим образом не угрожает нашему знанию о том, что мы имеем в виду, когда говорим от первого лица. Подробнее об этом см.: [12].

жем справиться с возникающими аномалиями в интерпретации происходящего и в целом понять, о чем идет речь, – что, собственно, и является задачей радикального перевода и радикальной интерпретации.

V

Теперь можно попытаться ответить на вопрос, почему убеждение кажется нам реляционным и, соответственно, почему мы, как правило, не воспринимаем его сентенциальную природу.

На основании вышесказанного можно предположить, что убеждение – это то предложение, относительно которого на фоне остальных предложений, считающихся истинными, степень неопределенности в данных обстоятельствах больше, чем обычно. Иными словами, это предложение, относительно истинности которого имеющиеся в нашем распоряжении эмпирические свидетельства не позволяют принять окончательное решение. Дэвидсон в этой связи замечает: «Если значительная степень согласия по простым вопросам, которая предполагается при коммуникации, ускользает от внимания, то это потому, что разделяемых истин слишком много и они слишком скучны, чтобы заслуживать упоминания. Мы обычно хотим говорить о том, что ново, удивительно или спорно» [10. С. 218]. Соответственно, мнение изначально предполагает ситуацию неопределенности условий истинности для некоторого предложения: «Мнение построено, чтобы заполнить разрыв между предложениями, считаемыми истинными отдельными индивидуумами, и предложениями, истинными (или ложными) по общественным стандартам» [10. С. 219]. Неопределенность условий истинности заставляет нас как бы выделить это предложение на фоне остальных и вместе с тем объясняет, почему мы приписываем этому предложению (в качестве мнения) субъективный статус: «Для мнения характерна не его доступность лишь одному человеку, но возможность быть уникальным» [10. С. 219], причем уникальным в первую очередь именно относительно общего фона, т.е. множества остальных предложений. Внимание к этому предложению обычно и реализуется в построении Т-предложения как средства перевода и интерпретации.

Итак, понятие мнения, равно как и языкового значения, необходимо нам лишь для того, чтобы зафиксировать наличие этого зазора между предложениями, считающимися истинными, и тем предложением, которое вызывает определенные сомнения и разногласия. Но для самой теории, добавляет Дэвидсон, при условии, что она справляется со своей задачей, эти понятия не являются необходимыми, она может обойтись без них [10. С. 220]. Они нужны только для того, чтобы обозначить степень возможной аномальности и неопределенности: «Ведь даже если, вопреки рациональным ожиданиям, никакой неопределенности вообще не было, то такие сущности, как значения и объекты мнений, не представляли бы самостоятельного интереса. Мы могли бы, конечно, с чистой совестью изобретать такие сущности, если бы были уверены, что нет никаких равновероятных альтернативных теорий. Но если бы мы знали это, мы знали бы и то, как сформулировать наши теории, не упоминая об этих сущностях» [10. С. 220].

Иными словами, мы используем идею таких сущностей не только в качестве удобного описания ситуаций с неопределенными условиями истинно-

сти, но и для того, чтобы обозначить потенциальные границы используемых нами теорий истинности. Или иначе: именно под видом мнения и значения неопределенность и аномальность входят в коммуникацию и становятся объектом нашего внимания. Здесь важно отметить, что семантические аномалии, о которых идет речь, шире тех, о которых говорит в этой связи Бьерн Рамберг [13. Р. 86–87]. Действительно, эти аномалии подразумевают не только ошибочность, ложность и противоречие в наших интерпретациях, но и в целом непредсказуемость и неопределенность выводов на основании утверждения истинности некоторого предложения. Отсюда можно заключить, что не только принцип доверия является необходимым и предварительным условием мышления и приписывания убеждений, но таковым является и предположение о возможной аномальности и неопределенности причин и следствий, скрывающихся за тем или иным высказыванием: «Именно возможность ошибки придает мнению смысл» [3. С. 239].

Итак, предварительное знание о возможных семантических аномалиях является необходимым условием для приписывания кому-либо установки на истинность некоторого предложения. Тем самым мы приписываем не только утверждение истинности, но и проблемный характер этому предложению, которое кто-либо высказал или мог бы высказать, поскольку мы сами не знаем или не уверены в его истинности. Но как только для нас истинность этого предложения подтвердится, оно станет уже частью объективной реальности, точнее, того общего фона, который часто остается незаметным. Именно поэтому вместе со значительной долей согласия от нашего внимания ускользает и сентенциальная (лингвистическая) природа того, относительно чего это согласие уже достигнуто. Но вместе с этим от нашего внимания ускользает и сентенциальная природа того, относительно чего на данный момент такого согласия нет. За счет чего это происходит?

Если ментальное состояние, которое мы приписываем в качестве пропозициональной установки, – это состояние неопределенности условий истинности некоего предложения, то Т-предложение с помощью своей биусловной связки удерживает предложение объектного языка в таком состоянии: *s* истинно, *если и только если* истинно это. А дальше может идти перечисление альтернатив: *p*, *q*, *r* и т.д. Отсюда мы видим, за счет чего предложение *s* удерживается в качестве объекта внимания – за счет паратаксически последовательного объединения элементов совокупности *p*, *q*, *r* и т.д. Действительно, в соответствии с холистическим подходом смысл предложения является не какой-либо сущностью, а совокупностью его связей с другими предложениями и языковыми выражениями, или, иначе, его функциональной ролью в контексте таких связей. Множество этих связей как бы суммируется в понятии значения (смысла сказанного) как чего-то эфемерного, что стоит за предложением, но при этом относительно независимо от него и до конца не определено.

Здесь стоит отметить, однако, что методологически правильным было бы начинать с неопределенности условий истинности, а не значения, поскольку именно их неопределенность и задает семантическую неопределенность и, соответственно, невосприимчивость сентенциальной структуры. В Т-предложении левая часть становится как бы прозрачной в пользу правой части, на которой мы и концентрируем свое внимание (или, иными словами, перехо-

дим от установки *de dicto* к установке *de re*). С другой стороны, чем больше неопределенность в правой части Т-предложения, т.е. чем больше конкурирующих или просто альтернативных кандидатов на статус условий истинности, определяющих наше понимание левой части, тем больше внимания (или, если угодно, осознанности) к самой левой части и ее синтаксической структуре. Именно в этот момент мы можем заметить, например, что утверждаем нечто противоречивое, неправильно или плохо сформулированное и т.д.

VI

В заключение можно отметить, что сложность каузальной истории индивида также вносит свой вклад в неопределенность условий истинности. Неопределенность перевода и интерпретации является во многом следствием этой истории. Одновременно это объясняет и то, почему аномальность, по мнению Дэвидсона, является одной из главных черт ментального: именно сложность и неопределенность каузальной истории отвечают за такую характерную для нашего сознания черту, как спонтанность и свободный характер ассоциирования. Иными словами, не семантическая аномальность является результатом приписывания кому-либо ментальных состояний, а, наоборот, само понятие ментальных состояний является результатом допущения о потенциально аномальном характере связей между предложениями.

Наконец, именно семантические аномалии и неопределенность объясняют тот подчеркнутый индивидуализм в отношении языкового значения, на котором настаивал Дэвидсон в пику теориям, ориентированным на социальные конвенции и следование правилам. Мы лучше всего понимаем речь человека не с точки зрения того, что другие люди имели бы в виду под теми же самыми словами, а когда интерпретируем его так, как он сам хотел бы, чтобы его интерпретировали (здесь можно добавить: «в данных конкретных обстоятельствах»). Действительно, каждый из нас говорит так, чтобы быть *интерпретируемым*. Но что это значит, если не «в соответствии с общими нормами и правилами»? Однако обычно мы говорим в первую очередь не перед лицом правил и норм, а перед лицом именно возможных аномалий в том, что мы на самом деле говорим, и в том, как нас могут при этом понять. А поскольку такие аномалии не поддаются какой-либо строгой классификации, то решения говорящего и слушающего всякий раз в той или иной степени уникальны.

Литература

1. Davidson D. The Problem of Objectivity // Davidson D. Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press, 2004. P. 15–38.
2. Quine W. V. Word and Object. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.
3. Дэвидсон Д. Мышление и речь // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практис, 2003. С. 221–243.
4. Дэвидсон Д. О местоимении «что» // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практис, 2003. С. 141–161.
5. Рогоян Г. Паратаксис и семантические аномалии // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2014. № 18. С. 90–112.
6. Davidson D. What is Present to the Mind? // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 53–68.
7. Дэвидсон Д. Истина и значение // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практис, 2003. С. 45–70.
8. Дэвидсон Д. Радикальная интерпретация // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Практис, 2003. С. 182–201.

9. Davidson D. *First Person Authority* // Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. P. 3–14.
10. Дэвидсон Д. Мнения и основания значения // Дэвидсон Д. *Истина и интерпретация*. М.: Практикс, 2003. С. 202–220.
11. Davidson D. *Mental Events* // Davidson D. *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 207–227.
12. Davidson D. *Knowing One's Own Mind* // Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 15–38.
13. Ramberg B. *Donald Davidson's Philosophy of Language. An Introduction*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Rogonyan Garris S. National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Humanities, Department of Sociology (Saint-Petersburg, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/32/36

DAVIDSON AND THE PRINCIPLE OF DISTRUST

Keywords: propositional attitudes, radical interpretation, holism, semantic indeterminacy

The article discusses the sentential approach to the analysis of propositional attitudes. As a rule, the main tool for interpretation of another's speech and behavior – attitude of holding-true a sentence – escapes our attention in conversation. The reason for this is largely due to the fact that the requirement for a holistic approach to our beliefs depends on the semantic indeterminacy of translation. Author of the article suggests that widened understanding of semantical anomalies can clarify why sentential structure of propositional attitudes usually escapes our attention.

References

1. Davidson, D. (2004) *Problems of Rationality*. Oxford: Clarendon Press. pp. 15-38.
2. Quine, W.V. (1960) *Word and Object*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
3. Davidson, D. (2003) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Moscow: Praktis. pp. 221–243.
4. Davidson, D. (2003a) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Moscow: Praktis. pp. 141–161.
5. Rogonyan, G. (2014) *Parataksis i semanticheskie anomalii* [Parataxis and semantic anomalies]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 18. pp. 90-112.
6. Davidson, D. (2001) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 53–68.
7. Davidson, D. (2003b) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Moscow: Praktis. pp. 45–70.
8. Davidson, D. (2003c) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Moscow: Praktis. pp. 182–201.
9. Davidson, D. (2001a) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 3–14.
10. Davidson, D. (2003d) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Moscow: Praktis. pp. 202–220.
11. Davidson, D. (1980) *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press. pp. 207–227.
12. Davidson, D. (2001b) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press. pp. 15–38.
13. Ramberg, B. (1989) *Donald Davidson's Philosophy of Language. An Introduction*. Oxford: Basil Blackwell.